Грехи отцов отпустят дети

Автор:
Анна Литвиновы

Грехи отцов отпустят дети

Анна и Сергей Литвиновы

Паша Синичкин, частный детектив #6

В элитный подмосковный поселок, где проживают братья Кирсановы – крупный чиновник Павел Петрович и модный художник Николай Петрович, – приезжает после Оксфорда старший сын Николая Петровича Аркадий, а вместе с ним его друг Евгений. Гость сразу не находит общего языка с Павлом Петровичем. Мужчины пикируются, конфликтуют, оскорбляют друг друга. А накануне своего юбилея Павел Петрович неожиданно кончает с собой! И это не последняя странная смерть в особняке Кирсановых, которую предстоит расследовать частному детективу Паше Синичкину и его помощнице Римме…

Анна и Сергей Литвиновы

Грехи отцов отпустят дети

…Воспомяни меня и призри на меня: не наказывай меня за грехи мои и заблуждения мои и отцов моих, которыми они согрешили пред Тобою!

(Книга Товита, 3:3)

Посвящается двухсотлетию со дня рождения великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева

Все совпадения случайны, все герои и события вымышлены. Все адреса, географические названия, частные и государственные предприятия выдуманы.

Наши дни. 23 июня

…Шторы в комнату задернуты. Ласковое солнечное утро проникает лишь в щелку плотных гардин. Но в комнате горит дневной свет – все девять ламп хрустальной люстры под потолком. Убитый лежит навзничь в разобранной постели. Он несомненно и неотвратимо мертв.

Одет Павел Петрович в шелковую пижаму и поверх – в шелковый халат. Глаза открыты, смотрят вверх. На груди, в области сердца, зияет кровавое пятнышко, и кровать под его спиной пропиталась красным. Пальцы правой руки откинуты, сведены, свешиваются с кровати. Под ними на ковре валяется пистолет…

Паша Синичкин, частный детектив

Тремя днями ранее

Визитер, пожаловавший в наше сыскное агентство, с трудом скрывал высокомерие. И презрение. По отношению ко всему.

К тому, что наш офис находится бог знает где, на восточной окраине столицы, вблизи МКАДа и парка Кусково; что снимаем мы свои две комнатки в НИИ советских времен с потертым паркетом; что Римка, моя секретарша, конечно, хороша собою и, что называется, с перчинкой, рыжеволосая бестия, однако далеко не губастенькая фотомодель 90–60–90, а на вид скорее девушка из соседнего двора; что, наконец, сам я (вполне намеренно) выгляжу беспонтово, именно так, как, по моему собственному разумению, и должен смотреться частный детектив: неброско, немарко, незаметно – скромный типус, то ли

молодой отставник, то ли менагер среднего звена.

Наш же визитер гляделся – а еще больше претендовал, чтобы глядеться, – как настоящий хозяин жизни. Молодой, но хозяин. Изящные манеры, свежий маникюр, стильная прическа. Часы за пару тысяч (долларов). Мокасины телячьей кожи. Солнцезащитные очки из последней коллекции.

Срочно требовалось поставить его на место. Пусть его порекомендовал мне уважаемый клиент, пусть даже парень готов платить мне «полной горстью» (как выразился рекомендатель), но кто он, спрашивается, такой? Мальчишка. Молоко не обсохло. На вид года двадцать два – двадцать три. Натуральный студент. Или, по максимуму, выпускник.

Однако если б я каждый раз начинал мериться собственным эго с потенциальным клиентом, то, пожалуй, вовсе бы на бобах остался. Нет, давайте все-таки для начала пощупаем его, послушаем. Такие чубрики, которые без понтов, в простоте словечка не выговорят, – в конце концов все-таки выдыхаются и демонстрируют свою истинную суть.

– Что вас привело ко мне? – задал я стандартный вопрос.

– Мне советовали вас нанять, – произнес он таким тоном, что советовать-то ему, конечно, советовали, но теперь, поглядев на меня, он еще крепко подумает.

– По какому случаю?

– Понимаете, тут дело довольно сложное… Мне кажется, что в нашей семье или в нашем доме назревает нечто нехорошее…

– Можно чуть подробнее?

– Понимаете, мой родной дядя, Павел Петрович Кирсанов, в крайних контрах с моим другом Евгением Базаровым…

– А почему вас так волнуют отношения вашего друга с вашим дядей?

Тут он что-то заюлил:

– Понимаете, скоро у моего дяди юбилей. В эту субботу. Пятьдесят лет. Грядет большое празднование. Гости. И я боюсь, что как раз в эти дни между ним и Евгением произойдет решающий конфликт и дело плохо кончится.

– Зачем тогда ваш дядя друга вашего на этот самый юбилей приглашает, если терпеть его не может?

– У моего отца и дяди дом – один на двоих, общий. И мы с папашей – ну, точнее, я – пригласили Евгения пожить у нас. И нам теперь неудобно вдруг выгонять его. Из-за того, что у них с дядей так фатально отношения между собой не сложились. Поэтому деваться некуда, он будет и на юбилее присутствовать. А там – много народу, публика, выпивка. А дядюшка мой – личность демонстративная, любит покрасоваться. И я боюсь, как бы вражда между ним и Евгением не вспыхнула и не омрачила праздник для нас для всех.

– И вы что, приглашаете меня в качестве громоотвода? Телохранителя?

– Можно выразиться и так.

– Телохранителя для вашего друга? Или дяди?

Молодой человек усмехнулся.

– Для них обоих. Мы вас представим собравшимся как частного детектива. И в вашем присутствии, я думаю, они оба поостерегутся далеко заходить в своей вражде. Не станут усугублять конфликт.

Бес тянул меня за язык – сказать, что, может, им лучше наряд милиции, в форме и с дубинками, вызвать, дешевле станет. Однако я все-таки сдержался. Хотя, откровенно говоря, меня никогда не подряжали на столь странное дело.

– Какая у вас такса? И условия?

Я сказал и добавил:

– А вас я прошу обрисовать сложившуюся ситуацию более отчетливо. Кто, как говорится, из ху, и ху есть кто.

* * *

Когда мы ударили по рукам и клиент уехал, я поделился своими впечатлениями о нем с секретаршей и помощницей Римкой.

До недавних пор я держал Римму в качестве бессловесной исполнительницы: узнай, определи, свари кофе. Однако после недавних расследований[1 - Подробнее об этом можно прочесть, например, в повести Анны и Сергея Литвиновых «Почтовый голубь мертв». Личным взаимоотношениям частного детектива Паши Синичкина и Риммы посвящен также роман Литвиновых «Бойся своих желаний».] оказалось, что она немалому от меня научилась и способна не только самостоятельно мыслить, но и действовать. Посему я стал с нею делиться деталями своих изысканий, рассказывать о посетителях – авось что подскажет разумное.

Я передал ей свой разговор с заказчиком – звали его, кстати сказать, Аркадием Николаевичем Кирсановым – и девушка подтвердила мои сомнения: что-то юный хлыщ недоговаривает, что-то темнит.

Но все-таки мы решили, что я разберусь на месте. Раз желают моего присутствия на «днюхе» – почему бы не поехать, не выступить в роли городового на рабочей стачке или росгвардейца на оппозиционном митинге. Для острастки, как бы чего не вышло.

Тем более – погода прекрасная, начало лета, а в подмосковном особняке с участком в полгектара на Рублевке обещается мне отдельная комната и полный пансион.

– Поедем вместе, – даже предложил я Римке.

– О, нет, дорогой Пал Сергеич! На выходных я занята.

Однако в этой реплике читалось иное: «Мы ведь пробовали уже жить вместе, не правда ли? И ничего не получилось. Не хочу повторяться».

Я смиренно согласился и только попросил помощницу быть на всякий случай на связи.

Забегая вперед, хочу сказать, что помощь Римки мне в итоге понадобилась.

Николай Петрович Кирсанов (младший)

Десятью днями ранее – за две недели до убийства

Аэропорт Шереметьево, терминал Д

Брат предлагал Николаю Петровичу отправить встречать лимузин с шофером Глебом, но тот отказался. Как это он не встретит сыночка! Сам, в аэропорту! Поэтому велел закладывать свой «БМВ» – и марш, марш, на рысях поскакал от своего имения, где проживал с братом Павлом Петровичем, аккурат в Шереметьево.

Оставил автомобиль на стоянке. Сначала даже поколебался: заплатить, может, полной горстью и подогнать авто к самому входу в аэровокзал? Но в последний момент зажмотился, жаба задушила.

Картины его опять продавались плохо и, что самое стремное, с каждым годом хуже – и, хоть Николай Петрович старался об этом не думать, он все больше начинал финансово зависеть от брата.

Брат, конечно, ему и слова до сих пор не сказал, но это пока. Хотя не факт, конечно, что скажет. Но все равно следовало поджиматься, прижиматься. А это было и тяжело, и не хотелось. Особенно после разгульных нулевых, когда полотна уходили влет за сумасшедшие деньги и гонорары текли, как вода.

А теперь – кризис, кризис, черт бы его побрал, и все меньше желающих отдать хотя бы тысячу баксов, чтобы украсить свой дом или офис картиной в духе столь популярного еще так недавно гиперреализма. Порой Николай Петрович в

отчаянии думал, что пора, может, ему сменить творческую манеру и стиль – или даже, край падения, начать писать портреты на заказ, по фотографиям заказчика. Халтура, конечно, – да что сейчас не халтура? И как еще прикажете обеспечить привычный уровень жизни, когда у них с Фенечкой заведено по три-четыре раза в год выезжать за границу, да в хорошие (и дорогие) места вроде Флоренции или Парижа, и жить там подолгу, и отдыхать на курортах, на водах, брать целебные ванны?

Слава богу, хоть Аркадий отучился. За последний его год в Оксфорде больше половины требуемой суммы внес Павел Петрович. Николай Петрович хоть и говорил брату, что все, мол, со временем отдам, но оба они понимали, что это скорее пустые обещания. По нынешним доходам отдавать явно не с чего.

Впрочем, всегда оставалась возможность открыть… Но это уж последнее средство… Они и деду покойному обещали, и с Павлом Петровичем договорились откупорить сокровище, лишь когда наступит самый край… Когда придет полная невозможность обойтись без…

Но может, теперь, когда Аркадий отучился, будет сынуля не сплошной убыток приносить, а в семью приварок? Ох, мечты, мечты! Где ваша сладость! Когда это, спрашивается, в последние времена молодежь помогала старикам? Наоборот – примеров сколько угодно. Отовсюду только и звучит: «Папа, дай! Мама, дай!» И даже без просьб! Старшее поколение прям за счастье почитает в юных вложиться! Впихнуть в них дополнительное образование, новый навык или умение, да хотя бы одеть моднее, лучший кусочек на тарелку положить!

Сколько раз бывал он в гостях, наблюдал. Первую тарелку хозяйка наливает не гостю. И не, как повелось исстари, хозяину, опоре, главе семьи – мужу. Нет, первый или самый сладкий кусок достается сыну, несмышленышу, барчуку. А тот еще восседает, как на троне, и нос воротит: того не хочу, этого не ем!

Сколько он по этому поводу с женой бывшей, Машей, ругался! «Негоже ребенка баловать! Хватит ему в попу дуть!» Она огрызалась, а чаще делала по-своему: самое вкусненькое – Аркашке, и поездка в наилучшие места, и самый дорогой смартфон. Зато когда Аркадий вырос, и отделился, и стал, по западному образцу, хозяйствовать самостоятельно, да учиться его направили за границу – так и выяснилось: а больше-то ничего, кроме сына, их с Марией не связывает. Раньше, когда вокруг наследника все мысли крутились, имелись поводы и смыслы вместе жить. Общие темы с женой находились, чтоб конфликтовать,

обсуждать или просто разговаривать. А не стало его рядом – и что, оказалось, их связывает?

Хотя, если вдуматься, и сейчас найдется о чем с Марией перемолвиться. Хотя бы дальнейшая судьба Аркадия. Он бы сказал, к примеру, мечтательно: вот, вырос сыночек, выучили мы его. Теперь осталось его женить, внуков дождаться… Но бывшая жена при подобном разговоре (можно было себе представить) только злобно расхохочется: мало тебе младенца от своей молодухи?!

Однако понятно, почему он мысленно, размышляя об Аркадии, к Маше апеллирует. С Фенечкой о сыне не поговоришь. Она модель отношений построила небыстро, но жестко: Аркадий – это его сын, его забота и его обуза. Новая, молодая жена к пасынку никакого отношения не имеет, в дела его не лезет, внимания не проявляет. А Маша – да, родная мать все-таки, несмотря на все фортели и взбрыки, от сына-то не отказывается.

С Аркадием, если разобраться, проблем ведь меньше не стало. Просто наступил новый этап. И так всегда: когда происходят перемены, нужны ответы на новые вызовы. Новые подходы. И – вложения. Образование – образованием, а сразу после вуза, пусть даже самого что ни на есть фешенебельного, надо куда-то устроиться. Тоже побегаешь!

Пытался Аркашка за Англию зацепиться. Казалось, ему и карты в руки: после Оксфорда, с идеальным английским. Ан все не так просто. В Британии, да и в Америке, тебя могут взять на работу, только если своего собственного уроженца на эту должность не нашлось. Ограждают свой рынок труда от всяких пришлых. Придется сыночка где-то в Москве пристраивать. И ясно, что не по объявлениям! Кто нынче на хорошую должность человека с улицы возьмет! Все надо делать по звонку, через значительных людей, как в былые годы.

Беда только, что владетельных знакомых в последние годы не осталось. Дедуля-академик помер больше двадцати лет назад. И почти не осталось никого, кто бы с ним работал или хотя бы его помнит. А у самого Николая Петровича знакомые в основном среди художников и преподавателей вузовских. А у этих каст какие нынче возможности специалиста по маркетингу пристроить!

Значит, опять придется на поклон к Павлу Петровичу идти. Дескать, помоги, братишка, напряги свои связи многочисленные.

Ох, дети, дети, как же с вами сложно… Так ведь появился и еще один! При мысли о том, как станет он, Николай Петрович, по новой проходить этот круг – для начала детские болезни, крики, пеленки… потом выбор школы, учеба, уроки, капризы, шалости… Потом подростковые проблемы, выпивка, курение, любови, связи, не дай бог, наркотики… И все это еще впереди – падет на его седую, практически, голову…

А с другой стороны, разве не повезло ему? Проживает он с Фенечкой практически новую, другую жизнь. Все равно как смотрел, смотрел в кинотеатре захватывающую яркую картину – и вот она уже близится к концу (чего там греха таить!), как вдруг появляется титр: встречайте! Продолжение! Новая серия! С ним самим, Николаем Петровичем, по-прежнему в главной роли! А в главной женской – замена! Вместо устарелой и вышедшей в тираж звезды Марии – юная старлетка, восходящая Фенечка!

И сразу подъем, новые силы, жизнь сверкает свежими красками, обогащается новыми запахами, цветами и смыслами! Как будто, когда появилась молодая женщина рядом, ему и самому юную кровь впрыснули! Конечно, надо двигаться и стремиться, и выглядеть, и достигать – чтоб соответствовать!

Обо всем этом беспорядочно, перескакивая с предмета на предмет, думал Николай Петрович, встречая сына своего Аркадия в зале прилета.

И вот они вышли. В числе первых, после того как борт из Лондона посадили.

Николай Петрович крепко обнял сына, прижал его мускулистое тело, вдохнул родной запах.

– Как ты быстро! – шепнул ему. – В первых рядах!

– А, – небрежно отмахнулся Аркадий. – Нам предложили в «бизнес» пересадить – мы согласились. Всего-то по шестнадцать тыщ доплата.

Николаю Петровичу стало досадно. Захотелось сказать, что шестнадцать тысяч – как раз пенсия ежемесячная для российских стариков, да не для всех, а кому выпало счастье в Москве поселиться, а в провинции так и вполовину меньше получают. Но решил не портить первого момента встречи, не занудствовать. Тем более что Аркадий представил стоящего рядом молодого человека – высокого,

сильного, с кустистой бородой и татуировкой на предплечье:

– Это мой друг. Евгений Базаров. Я писал тебе о нем.

– Да-да, очень приятно, – пробормотал Николай Петрович.

Он пожал протянутую руку.

– Евгений поживет у нас недельку-другую, пока в столице осмотрится.

– Очень хорошо, почтем за честь, так сказать, принять…

Николай Петрович подхватил у сына саквояж, Аркадий и его друг взялись за самокатные тележки с багажом – и втроем, гуськом, лавируя меж таксистов, предлагающих недорого доехать в Москву, отправились по переходу на крытую стоянку.

* * *

Николай Петрович всегда втайне гордился, что он сам – как и брат его – не какой-нибудь парвеню, выскочка, скороспелый богач, прыщ, что вспух из ниоткуда в последние четверть века разительных российских перемен. Нет! За ним и за его семьей – почти целый век пребывания в элите. Да, дед из совершеннейших низов – но так и повелось в те двадцатые-тридцатые годы, времена колоссальных социальных катаклизмов. Однако он, дедуля, Николай Кирсанов-старший, благодаря своим редкостным качествам – таланту, интеллекту, умению ладить с людьми – пробился, возвысился, продвинулся на самые видные места в советской империи. И они, его внуки, невзирая на малоудачное второе поколение в лице своей матери, деда не посрамили, высоко пронесли его знамя. Даже сейчас, в такие сложные годы новых перемен.

Дом Николай Петрович с Павлом Петровичем имели в самом что ни на есть распонтовом месте – на пресловутом Рублево-Успенском шоссе. Участок, оставшийся от деда, пятьдесят соток драгоценнейшей подмосковной земли, не раз служил приманкой для всевозможного риелторского воронья. Какие только заоблачные суммы за него не предлагали, особенно во время строительно-недвижимого бума в начале нулевых! Наверное, если братья продали б тогда

участок с домом – безбедно смогли бы до самой смерти проживать за границей, где-нибудь на теплом море, на кусочке землицы меньшей площади – не говоря уж об иной области российского Нечерноземья, типа Калужской или Костромской. Но хоть искушение имелось – преодолели, выдюжили, сохранили заповеданный дедом и бабкой драгоценный клочок.

Напротив, дом разительно обновили. Вместо бревенчатого двухэтажного, построенного еще в тридцатых по старому финскому проекту, возвели каменные палаты, трехэтажные. С двумя просторными крыльями и двумя отдельными входами – на каждого из братьев. В строительстве, конечно, в основном Павла Петровича заслуга – он, пока особняк возводили, на участке дневал и ночевал, зорко бдил, чтоб вороватые подрядчики и косорукие работяги делали все качественно. Безжалостно, не глядя, рассчитывал на месте воров и бракоделов, а мог, если прогневают, руганью не ограничиться – зуботычину прислать. И терпели ослушники, стояли по стойке «смирно» – понимали: барин имеет право, а они провинились.

Но и Николай Петрович, конечно, в дом вложился. Особыми познаниями строительных «ноу-хау» он не обладал. Поэтому в технологию не лез, однако башлял полной горстью – еще неизвестно, чьих средств в хоромах больше, его или бра-тельника. Как раз времечко такое приспело: картины его стали востребованы, пошли на «ура» не только в стране, но и за рубежом – слава буму начала века и высоким нефтяным ценам.

Так что думал он о доме (и смотрел на него, и пользовался его удобствами) всякий раз с удовольствием, как на плод рук своих. Не такой любимый, конечно, как Аркадий и второй сын, юный, от Фенечки – Александр, но зато, чего греха таить, самый совершенный, от которого никак и нигде не станешь ждать подвоха.

Белый, на холме, в стиле русских усадеб, с огромным балконом-террасой, зимним садом, двумя парадными входами-въездами, украшенными колоннами, – он до сих пор служил украшением старого дачного поселка под странным именем Хауп.

Хауп – такой аббревиатурой, типической для тридцатых годов, назвали новое селение, которое советские власти организовали для тогдашней элиты. Хауп, или, точнее, заглавными буквами – ХАУП, означало: «художники – архитекторы – ученые – писатели». И хоть злые языки переиначивали название в Паух, Хуап

или даже в малоприличный Хуяп, во все годы обладание здесь дачей являлось признаком близости к элите. Здесь построили особняки, каждый по своему проекту, один из братьев Весниных, а также Гинзбург и Алабян, после войны тут дали наделы проявившим себя поэтам Суркову и Долматовскому.

А когда наступили новые, капиталистические, времена, многие, ох многие участки перепродали богачам – а прочие перестроили с роскошью даже неимоверной. Зато теперь большинство особняков нуворишей, кто с помпой въезжал сюда в девяностых и в начале века, пустовало: кто уехал, кто умер, кого застрелили, кого посадили. Несколько наделов и сейчас продавались, да покупателей на такую красоту грандиозную (и цену неподъемную!) не находилось.

Зато вот Кирсановы все преодолели – и сложности, и искусы. Дедово достояние приумножили, улучшили, а потом, как ни сложно было, не разбазарили. И эта мысль сама по себе, помимо приятнейших удобств особняка, наполняла Николая Петровича тихой гордостью.

Туда он и держал сейчас свой путь вместе с сыном и его новым приятелем Евгением.

В присутствии сыновьего друга он испытывал некоторую неловкость.

Евгений уселся на заднее сиденье (Аркадий – на переднее пассажирское), неотрывно смотрел вперед, как бы Николаю Петровичу под руку (тот это чувствовал). Оттого, что помещался Евгений почти за его спиной, видеть его Николай Петрович мог, только обернувшись или временами в салонное зеркало, и взор молодого человека казался ему довольно надменным, словно какой небожитель спустился с Олимпа и тщательно обозревает подведомственные ему окрестности. Большею частью парень молчал, снисходительно поглядывая на коловращение столичной жизни, и только время от времени обменивался с Аркадием репликами, которых Николай Петрович по большей части не понимал. Не то чтобы друзья изъяснялись на иностранном языке, но как-то неясны были их лексикон и намеки.

К примеру, на выезде с аэропортовой территории блондинка с накачанными губками на красном «Мерседесе» вдруг перестроилась в полосу, по которой двигался Николай Петрович, и со всей дури нажала на тормоз. Тот успел

среагировать, но пассажиров аж бросило вперед, и машина сама включила «аварийку».

– Вот баба-дура! – в сердцах воскликнул Кирсанов-старший.

Однако молодое поколение не то что не поддержало его праведный гнев – напротив, Аркадий неприятно усмехнулся и промолвил, явно в расчете на своего приятеля:

– Да вы, папаня, оказывается, сексист!

Не ожидая столь крутого поворота в разговоре, Николай Петрович продолжал гнуть свое:

– Я удивляюсь! Как таким блондинкам непуганым вообще права дают!

Полуобернувшись к другу и теперь уже впрямую относясь к нему, Аркадий заметил:

– Да, с толерантностью у нас в отечестве проблемки.

– Но и ты тоже не разжигай, – вполголоса заметил Евгений, и то, что тот вроде встал на его сторону, сделало реплику молодого приятеля вдвойне неприятной для старика-отца.

Довольно быстро, пробравшись Химками, выехали на МКАД и вскорости свернули на Рублевку. Евгений спустя пару минут заметил, указывая на мелькавшие по сторонам рекламные билборды – как всегда, с высокомерной усмешечкой, апеллируя исключительно к однокашнику:

– Глянь, Аркадий, здесь даже реклама иная, чем во всей Москве. Семен Слепаков выступает в Барвиха-вилледж. Вот уж насладятся коррупционеры, когда он в своих песенках будет их изобличать. Приятный, продирающий мозговой массаж. Своего рода душ Шарко.

– А вот, смотри! – подхватил тему Аркадий, и отцу стало досадно, что сын все время как бы на поводке у этого Евгения ходит. – «Элитный силовой еврейский

клуб «Давид хэлп»! Или вот:

«Элитный часовой ломбард»! Подумать только! Все вокруг элитное, от спортклуба до ломбарда! Но и приметы кризиса налицо. Добро пожаловать, разорившиеся толстосумы! Мы примем за бесценок ваши «брегеты» и «брайтлинги»!

Приятель высокомерно усмехался.

Так за разговорами и доехали.

Николай Петрович, желая произвести впечатление на сына и гостя, заранее телефонировал в особняк, и когда «БМВ» подкатил к принадлежащему ему крылу барского дома, на крыльцо вышел важный Глеб. Глеб был постоянной прислугой и проживал вместе с женой Ниной в домике для гостей. Было ему слегка за сорок, а Нине – лет тридцать пять. Оба считались беженцами с Донбасса и в покоях братьев ведали уборкой-стиркой-глажкой-мелким ремонтом и уходом за садом.

– Добро пожаловать, молодой хозяин! Так сказать, ласково просим! – величественно склонил свою полуседую голову Глеб.

Аркадий удивленно воззрился на него. Странное дело, когда они расставались почти пять лет назад, Глеб довольно ясно изъяснялся по-русски. Однако с годами он, казалось, все больше забывал язык «имперский» и все лучше размовлял на украинском. Возможно, кто знает, таким образом он, сознательно или подсознательно, проявлял свой протест против собственной эксплуатации или российской оккупации.

Слуга подхватил из багажника баулы Аркадия (которые безошибочно выделил и отличил от чемоданов Евгения).

– Идемте, панове, я покажу вам ваши покои.

Евгений принужден был тащить следом свой багаж самостоятельно, и это мелкое обстоятельство отчего-то порадовало Николая Петровича.

Когда они поднимались на второй этаж, на лестницу высунулась было Фенечка, которая тащила на руках годовалого бутуза – простоволосая и растрепанная. Смутившись при виде гостей, она отрывисто буркнула: «Здрасте» – и юркнула обратно.

– Так вот он какой, мой сводный братик! – вполголоса сказал отцу Аркадий. – Очень миленький. А ты его от меня прячешь. Даже ни одной фотки не послал.

– Ну ничего, познакомишься со временем, – пробормотал Николай Петрович. Он слегка сконфузился при столкновении молодой мачехи и взрослого сына, по возрасту почти ровесников.

Евгению отвели одну из гостевых комнат на третьем этаже. Аркадий поместился на втором – в своей бывшей детской. Там ничего не изменилось со времен его отъезда в Англию, и он со снисходительной ностальгией обозрел затертого плюшевого мишку на кровати, зачитанного «Гарри Поттера» на полке, свой собственный портрет за письменным столом – в десятилетнем возрасте, писанный маслом рукою отца.

Приняв с дороги душ и переодевшись, молодые господа, как было уговорено, явились на семейный ужин в честь их прибытия.

Накрыли в парадной гостиной.

Парадная гостиная была единственным покоем, общим для обоих братьев. С левой стороны в нее вела дверь с половины Николая Петровича, с правой – из комнат Павла Петровича. Зала была метров сорока, с наборным дубовым паркетом, украшенная по стенам семейными портретами, принадлежащими кисти Николая Петровича. Рассматривая их, внимательный наблюдатель смог бы уловить, как менялась с годами творческая манера художника. Первый, вполне ученический портрет представлял покойную бабушку, Евгению Михайловну Кирсанову. Второй, написанный более уверенной рукой студента, изображал деда, родоначальника династии, академика архитектуры и полного тезки художника, Николая Петровича Кирсанова. На третьем, в котором чувствовалось явное влияние современных веяний, то ли фотореализма, то ли гиперреализма, явлена была мать обоих братьев, «заблудшая» (как именовал ее в свое время дед) Антонина Николаевна Кирсанова-Стожарова – тогда еще довольно молодая, красивая. Затем галерею продолжали портреты обоих братьев, а на шестом

красовалась первая жена Николая Петровича Мария. Мимоходом следует заметить, что наличие этого изображения в гостиной вызывало глухое неудовольствие Фенечки, которое она своему невенчанному супругу неоднократно выказывала. В ответ Николай Петрович взялся писать портрет своей возлюбленной Феодосьи Ивановны, однако пока не докончил. И, наконец, венчала коллекцию в гостиной картина, парная той, что находилась в детской Аркадия: он сам в нежном возрасте.

Жена Павла Петровича, старшего из братьев (и дяди Аркадия), Юлия Валерьевна Ростиславлева скончалась в молодости, рисунков ее Николай Петрович сделать просто не успел. После несчастного развода Павел Петрович так и прожил бобылем, ни разу больше не женился и детей не заимел. Про жену свою если и вспоминал, то с неприятной усмешкой, язвительно именуя ее «графиней Р».

Младший брат, Николай Петрович, оказался более счастливым в браке. Будучи совсем юным семнадцатилетним студентом-первокурсником, он сошелся с девушкой на шесть лет старше его. Она к тому времени уже успела окончить Плешку, что-то по специальности «организация советского питания», и трудилась поваром в ресторане «Астория» на улице Горького. Надо помнить, какие то были годы – восьмидесятые, самый излет и агония социализма. Работники торговли и общественного питания и всегда-то во времена СССР пользовались особенным уважением, хотя в среде интеллигенции и слегка презрительным. А уж в последние, горбачевские годы, когда из магазинов исчезли решительно все продукты и на улицах стояли пяти-шестичасовые очереди к грузовикам, с которых торговали яйцами, синюшными бройлерами или подсолнечным маслом, торгаши (как снисходительно именовала их интеллектуальная прослойка) сделались почти небожителями.

Конечно, семья академика архитектуры, деда Кирсанова, не бедствовала: то «академическую» курицу дадут в заказе, то шпроты или гречку, но кулинарные таланты Марии все равно произвели тогда неизгладимое впечатление на юного Николеньку. Проживала его пассия вместе с матерью в однокомнатной панельке неподалеку от Ботанического сада. Мать трудилась приемщицей в химчистке. В дни, когда будущая теща работала, а Маша, напротив, отдыхала после своих смен в ресторане, юный студентик Николенька приезжал к ней – и всегда оказывался накормленным во всех смыслах этого слова. Он не рассчитывал ни на что серьезное, сердце его при виде Марии не билось учащенно, не замирало, но было куда как удобно примчаться после занятий, утолить свой голод – а в качестве послушания иногда вывести девушку в театр или на выставку. Очень

просто одетая, без косметики, Машка (как именовал ее Кирсанов) никогда и ни на что не претендовала. Да еще, как нарочно, носила самую что ни на есть простонародную фамилию – Огузкова. Серенькую, полную и невзрачную, он стеснялся представлять подружку друзьям и тем более семье.

Так продолжалось три года. Пока в один прекрасный день Мария вдруг не заявила, что она беременна. Поверхностный и легкомысленный – а главное, нисколько не любящий Машку Николай бросил девушке обидное: «Твоя беременность – твоя проблема. Если нужны деньги – я достану». Мария отвечала очень спокойно: «Грех на душу брать не буду. На аборт не пойду. Не хочешь жениться – бог с тобой. Выращу ребенка самостоятельно. Но на алименты, извини, подам, с хлеба на квас перебиваться не буду».

Спокойная уверенность сожительницы произвела на Николеньку сильное впечатление. Он решил посоветоваться с братом. Павел Петрович переживал тогда нелегкие времена, у него в молодой семье разворачивалась своя драма, и о подвигах младшего брата на сексуальной ниве он – как, впрочем, и вся семья – ничего не знал.

Братья задушевно поговорили – как водилось в советские времена, на кухне, за бутылочкой коньяка, – и старшенький огорошил: «Жениться – не такая плохая идея. Знаешь что? Познакомь меня с ней».

Решили устроить смотрины в «Астории», где трудилась Мария. Стол на троих накрыли в отдельном кабинете, и на старшего брата произвело впечатление и то, с каким подобострастием обслуживал троицу официант, и какими полными, вкусными и свежайшими оказались порции. Нет, подобного в советском ресторане трудно добиться даже внуку академика, даже за огромные чаевые! Подобные почести только своим оказывают!

Разговор за ужином порхал о том о сем. Серьезных тем вроде женитьбы, равно как политики, живописи, литературы, беседа не касалась. Девушка потягивала клюквенный морс – талия ее заметно округлилась. Братья выпили на двоих бутылку (опять!) армянского коньяка. А потом, когда вместе на такси отвезли Марию домой и возвращались к себе, в пятикомнатную дедову квартиру на Новинском бульваре, старший ошеломил младшего тем, что безапелляционно изрек:

– Женись. Тебе как раз такая нужна.

– Какая – такая?

– Твердая. Решительная. Смелая. Пронырливая. Ты ведь, братишка, извини меня, лох. Раздолбай. А она сделает из тебя человека. И познакомит с кем надо, и продвинет, и позаботится.

– Но я не люблю ее!

– И не надо! Зачем? Пусть лучше тебя любят.

– Да и она меня не любит!

– Э, брат. Ты что, думаешь, что любовь – это страсти в клочья? Любовь – это забота, стираные носки, секс без отказа, без «голова болит», вкусный борщ, наконец.

– Но она глупая!

– Кто это тебе сказал? Или ты думаешь, раз она Дали от Матисса с первого взгляда не отличит и Моне с Мане путает, так она дура? Выучиться щебетать на потеху модным салонам можно в три дня. Но у этой девушки ум иной. Природный, глубинный. Такой, что за ним не пропадешь.

– Ты думаешь? – в сомнении промолвил Ник.

– Тут даже думать нечего! Тебе, дураку, настоящая жемчужина попалась! Сапфир! Смарагд! И учти, если ты ее, свою судьбу, проворонишь – я сам на Марии женюсь! Такой перл охламону достался и пропадает ни за грош!

– Да ты женат! – со смехом отвечал младшенький.

– Ну и наплевать! Брошу свою стерву Юльку и Машку у тебя отобью, ей-ей!

Неизвестно, подействовала ли на Николая Петровича угроза старшего брата или его увещевания, да только он сделал Марии предложение. Затем они предстали пред очи будущей тещи – приемщица химчистки благословила их со слезами. Но оставалось самое главное (в понимании Николеньки): получить одобрение деда-академика и бабки, кавалерственной дамы Евгении Михайловны. С матерью-кукушкой можно было не церемониться, ограничиться телефонным разговором – она в очередной раз взялась за свою творческую карьеру. Картины Антонины Николаевны, как и все советское, временно оказались в бешеной моде на Западе, и она, истосковавшаяся по популярности, срочно пожинала плоды оной в самом аж Нью-Йорке.

И вот парочка предстала пред очами деда и бабки в исторической квартире на Садовом кольце: хрусталь, фамильное серебро, свечи. Бабушка взирала на девушку крайне скептически. Поджимала губы. Ну а дед-академик – нет, вот тот оказался совсем не снобом, болтал с Марией как с равной. И та отнюдь не тушевалась, рассказывала и про отпуск в деревне, и как гречневую кашу в русской печи томить, и как они с матушкой сами ремонт на кухне делали.

По итогам визита бабушка только фыркнула внуку: «Хочешь жениться – ну и женись, я-то что?» А дед, как ни странно, стал на те же струны давить, что и брательник: «Да, не красавица, не чахоточная интеллектуалка: ах, я без ума от «Соляриса»! Зато не голова, а дом советов. Умна, спокойна, преданна, ровна. Такая кровь нам нужна, не то что чахоточная Пашкина Юлька! И из тебя человека сделает. Женись!»

Раз дед сказал – быть по сему.

Подали заявку в загс. Гулять свадьбу порешили, разумеется, в ресторане, где трудилась Мария, на улице Горького, как раз переименованной к тому моменту назад в Тверскую. Да только за месяц до свадьбы однажды рано утром Маша позвонила суженому: «Николенька! У меня выкидыш!» – и плачет, плачет. Его к себе в больницу навестить не пустила – да ее и выписали в три дня. Так что он даже и сомневался потом. Вроде бы и верил – но все равно червячок точил: а не разводка ли это была, с беременностью? Не женская ли хитрость, чтобы его заполучить?

Пару раз, уже после свадьбы, спьяну спрашивал супругу напрямик. Но Маша не оправдывалась, не объяснялась. Бросала устало: думай что хочешь. Да и впрямь все что угодно передумаешь, если Аркадий только пять лет спустя родился, если

жена, как знал Николай Петрович, и лечилась, чтоб вновь забеременеть, и на грязи ездила.

Однако предсказания старшего брата и деда сбылись: Мария тихой сапой взяла в свои маленькие и твердые ручки управление домом, и получалось у нее на редкость разумно. Не только в смысле провианта, чистоты, глаженых рубашек и запаха пирогов, но и более тонких и существенных материй. Для начала девушка составила с дедом заговор, который в итоге увенчался блистательным успехом. Николая выписали из барской квартиры на Новинском и подселили как супруга в однокомнатную с юной женой и тещей – зато это дало возможность претендовать на кооператив. Деньги на жилстрой выделил, конечно, в основном Николай Петрович Кирсанов-старший, но и у тещеньки с Машенькой набралось полторы тысячи накоплений. В итоге молодые супруги стали собственниками прекрасной трехкомнатной квартиры в ЖСК архитекторов – в кирпичном доме, в Архитектурном переулке, почти в самом центре Москвы, неподалеку от Грохольского переулка, Садовой и проспекта Мира. И этот дом оказался одним из последних кооперативов советского времени – молодожены впрыгнули, можно сказать, в последний вагон. Беспроцентную ипотеку за квартиру, десять тысяч рублей, должны были платить в течение двадцати пяти лет – но гайдаровские реформы и безудержная инфляция не только сбережения людей превратили в труху, они ведь еще и все долги обнулили. В итоге десять тысяч, которые при Советах казались непомерной суммой, Мария выплатила разом, чохом, когда за эти деньги можно было купить разве что батон белого нарезного.

Пока кооператив строился, сперва проживали на съемной квартире – деньгами на аренду опять-таки вспомоществовал дед. Но вскоре случилась страшная трагедия (для Марии) и неприятная история (для Николая Петровича). У тещеньки, Огузковой-старшей, диагностировали рак. Как это часто бывает у простых людей, тянущих свою лямку и не озабоченных собственным здоровьем и диагностикой, впервые к врачам она постучалась, когда болезнь приобрела фатальную четвертую стадию. Несмотря на лучших докторов и лекарства (организовывала, естественно, Машенька, но и дед Кирсанов помогал), за семь месяцев теща угасла. Похоронили, от съемной квартиры отказались, перекантовывались, пока возводится кооператив, в однушке близ Ботанического. Зато потом, когда настала пора въезжать в трешку в Архитектурном переулке, Мария провернула еще одну операцию: нашла желающих разъехаться, добавила к той самой новой квартире освободившуюся материну однокомнатную – и стала обладательницей прекрасной, роскошной пятикомнатной квартиры с двумя ванными в том же самом «архитекторском»

доме!

Меж тем спустили красный флаг над Кремлем. Взамен взвился революционный трехцветный штандарт. Парадигма благополучного существования менялась. В момент повсюду по Москве выросли уродливые железные ларьки, в магазинах появились продукты, включая никогда не виданные ранее в Отечестве йогурты и омары. Но вот цены! Раньше, при социализме, деньги ничего не значили, гораздо важнее был доступ к кормушке и связи. Теперь же деньги понадобились всем, и непонятно было, где их брать.

Николенька как раз заканчивал Художественный институт. В прежних, социалистических, представлениях видел он себя уже довольно обеспеченным человеком. Его ценили за быстрое, легкое перо. Он подвизался в студии молодых карикатуристов при «Московском комсомольце», печатал карикатуры в «Крокодиле», иной раз и заказ на иллюстрирование книг удавалось добыть, даже и самых денежных – детских. Но с наступлением капитализма все как-то стало линять. Гонорары задерживали, а когда они приходили, инфляция успевала превратить их в пыль. Книги стали печатать вообще без иллюстраций, голый слепой текст. Конечно, материальное ухудшение не случилось обвалом. Состояние полуработы-полузаработка длилось год, полтора, два – девяносто второй, девяносто третий годы. То что-то обламывалось, открывались новые рынки, например рекламный, то пару месяцев Николай сидел без копейки. Но и Мария продолжала трудиться, притаскивала из ресторана, как говорили в их общепитовской среде, «трофеи»: недовложенные в порции, сэкономленные продукты. Хотя и с этим становилось туже: новая дирекция наняла охрану, которая шмонала на выходе поваров и их сумки. Блистательная квартира в Архитектурном переулке стояла практически пустая: спали на старом диване, привезенном с дедовой дачи, приводили себя в порядок перед крохотным настольным зеркальцем.

В верном направлении Николая подтолкнула опять-таки Мария. Она, молодая да ранняя, еще с советских времен шуршала – дружила с нужными людьми, жила по принципу «ты – мне, я – тебе». За ласковое обслуживание в ресторане, свежие да полные порции можно было и с зубным врачом закорешиться, и с товароведом обувного магазина, и с директором типографии. В новые, капиталистические, времена эти люди никуда не делись, а иные круто взялись расти и жиреть во всех смыслах этих слов. Через них Мария и стала своего Николая двигать. А он ведь никакой работы не чурался – не мог только ее раздобыть для себя, работу.

Сначала Машка его с дагестанцем свела, который свой ресторан на Пролетарке открывал. Тот заказал (говоря сегодняшним языком) дизайн-проект. Тогда это называлось «помоги мне здесь все оформить».

– Пусть тут по стенам, – обрисовывал ему техзадание Мансур, – голые женщины раздеваются…

– Как же они могут раздеваться, если они голые?

– Ты тут мне не умничай, давай маши кисточкой.

И Николай оформил ресторан Мансура. А потом еще ему и подмосковный особняк.

И получил в результате толстую долларовую «котлету» – расчеты тогда, в начальных девяностых, велись, разумеется, черным налом да в СКВ.

Для вновь возникшего банка Ник (опять-таки по наводке супруги) делал рекламные баннеры, а потом годовой отчет.

Ректор частного вуза заказал ему портреты своей жены и дочери, а потом и самого себя.

И пошло-поехало. Буквально в каких-то три года, от расстрела Белого дома до вторых перевыборов Ельцина, с девяносто третьего по девяносто шестой, Кирсанов-внук сильно приподнялся. А потом еще на предвыборной кампании «Голосуй или проиграешь» заработал – и на плакатах, и на оформлении гастролей. Тогда на выборах платили, вообще бабки не считая – таскали, как известно, коробками из-под ксерокса.

А потом и родная матерь из Америки подтянулась на подмогу – у нее как раз очередной период просветления наступил. Стала за океаном полотна сына впаривать, выставку ему в Нью-Йорке устроила.

Короче, удалось и новую квартиру в Архитектурном переулке роскошно обставить, техникой «Миле» и итальянской мебелью, и «Мерседесы» себе и Машке прикупить, и в круиз на Карибы отправиться.

В тот период и любимый сыночек Аркаша родился, и (после смерти сначала бабки, а после и деда) стали они с братом Павлом Петровичем особняк в подмосковном Хаупе, на Рублевке, обустраивать.

Потом-то, в нулевых годах, Николай Петрович на чистом искусстве сосредоточился. Потекли заказы – когда на портреты сильных мира сего, когда на оформление загородных домов и столичных квартир. Один нувориш, к примеру, восемь деревенских пейзажей заказал – изображения в разное время года и разное время суток одной и той же своей родной деревеньки, по которой люто ностальгировал. Но начальный толчок – Кирсанов хорошо это помнил, он вообще был памятлив и на добро, и на зло – дала ему первая жена Мария.

У них с ней не то чтобы открытый брак был, но так как Николай Петрович ее не любил, то и особо не ревновал. Старался просто не задаваться вопросом, гнал от себя мысли – а какие, например, отношения связывают Марию и того Мансура, что его самым первым заказчиком стал? С чего вдруг кавказец так к нему благоволил и даже без торговли гонорар отсыпал? А ведь случались (наверняка, если задуматься) в жизни супруги и другие: коллеги по работе, шеф-повара и всякие смазливые официанты, и прочие сильные люди из того мирка, в котором она вращалась. Он ее никогда не проверял, не выслеживал, смотрел сквозь пальцы, но звоночки, конечно, были: возвращения под утро с раскрасневшейся и довольной физиономией. Взамен и Мария в его дела не лезла, держала супруга на длинном поводке. У него случались романы, но так как никого и никогда он не любил, кобелировал из спортивного интереса, то из семьи никуда уходить не хотел, всякий раз благостно возвращался к Машкиным пирогам и заботам.

Мария как ушла в декрет Аркадия рожать, так больше в ресторан не вернулась – закрыли «Асторию» на ремонт, а потом на ее месте появилась пиццерия. Подрастив Аркашу до садика, она пошла в повара в частный дом: требовалось приходить четырежды в неделю и готовить на всю семью. Потом получила место шефа в средней руки кафе неподалеку от Третьего кольца.

Так прошли нулевые. Рос Аркадий. Его поступили в гимназию, на лето отправляли учить языки то на Мальту, то в Швейцарию. Высилась в своих кругах известность Николая Петровича – как живописца ловкого, быстрого, всегда потрафляющего вкусам заказчиков. Повышались его гонорары, заказы сыпались наперебой. Прошло несколько выставок. Кирсанова позвали преподавать рисунок в институт дизайна.

Они с братом завершили наконец перестройку имения. Аркадий окончил школу, и родители отправили его в Оксфорд. В городе Кирсанова ничто особо не держало, и он переехал в имение на постоянное жительство. В столицу выбирался пару раз в неделю – договариваться с заказчиками и вести занятия в вузе.

Вот там и накрыла его – впервые в жизни, как он считал, – подлинная страсть. Совсем юная, беспредельно кокетливая, умненькая и ласковая Фенечка (как все ее называли) стала подлинной музой младшего Кирсанова. Он написал несколько десятков ее портретов – в основном «ню». Встречались они тайком в мастерской или в городской квартире. Николай Петрович стал красить начавшие седеть волосы, одеваться с особой тщательностью и записался в спортзал. Он свозил Фенечку на неделю в Париж, потом прогулял ее на Мальдивы. Жене врал о срочной работе, необычных закордонных заказчиках. Мария вроде бы смотрела на его похождения сквозь пальцы.

Но потом однажды нашла в супружеской постели в квартире в Архитектурном переулке длинный черный волос. Обнаружила в мастерской обнаженные портреты одной и той же особы – надо было быть совсем слепой, чтобы не заметить, с каким жаром тела они написаны. Однако устраивать скандал Мария не стала. Лишь заметила с заботливостью (может быть, и мнимой):

– Смотри, Кирсанов, – она всегда называла супруга по фамилии, – ты побереги себя. Молоденькие – они до добра не доводят. Будешь в постели перенапрягаться – а ты с ней явно перенапрягаешься, на новенького-то, – хватит тебя инфаркт или инсульт. Не мальчик уже, пятый десяток пошел. Я тебя в коляске, мычащего, вывозить на прогулку не буду, судно за тобой выносить не стану. Пусть она ухаживает – сможет? Будет ли? Ты об этом подумай, Кирсанов.

Однако увещевания Марии – хоть они и задели его – Николай Петрович пропустил мимо ушей. Никому никогда не хочется думать о плохом, все всегда надеются на лучшее. А потом, как всякому влюбленному, ему казалось: там, где она, – только свет, веселье, радость. С ней хотелось быть каждую минуту. Мария же стала безумно раздражать. В ней нервировало все: резкие звуки голоса, тонкие невзрачные волосы, лишний вес, шаркающая походка, манера говорить по телефону, одеваться – довольно безвкусно, объективно говоря. И однажды он бухнул супруге: «Нам надо развестись».

Против ожидания, она не стала цепляться или уговаривать. «Считаешь, надо – давай разведемся». Однако когда дело коснулось раздела совместно нажитого имущества, Мария торговалась за каждый предмет интерьера, за каждый квадратный метр. В итоге сговорились, что ей отходит и вся квартира в Архитектурном переулке, и мастерская Кирсанова, оставшаяся еще от деда. Сам Николай Петрович, лишившийся обиталища в Москве, перебрался на постоянное местожительство в имение, в Хауп, к брату. Вместе с ним в деревне поселилась и Фенечка.

Вот такая диспозиция сложилась в семье Кирсанова к моменту приезда из Англии сына Аркадия и друга его Евгения.

И вот они сошлись в парадной гостиной кирсановского особняка. Стол был накрыт на пятерых. Первыми явились Аркадий и Евгений с влажными после душа волосами. Затем пришел Николай Петрович. Смущенно сказал, потирая руки, что Фенечке нездоровится, она не спала всю ночь, у Сашеньки режутся зубки, и она просит ее извинить, но к ужину не выйдет. Он кивнул прислуге, и та убрала пятый прибор. Наконец со своей половины подоспел Павел Петрович.

Николай Петрович представил его гостю. Евгений, бородатый и независимый, произвел на Павла Петровича неприятное впечатление – впрочем, обратное также верно. Старший Кирсанов был подтянут, загорел, потому что посещал солярий и катался на горных лыжах, руки его были тщательно ухожены, ногти отполированы.

– Я только из присутствия, – сказал он, адресуясь к брату, – голоден как волк.

За столом прислуживала Нина, жена Глеба, которая в имении кашеварила, прибиралась и в особых случаях подавала на стол. Была она полноватая молодая женщина лет тридцати пяти, с типичной малороссийской внешностью, жгучими черными глазами, мощными руками и лодыжками.

– Наливай-ка, – скомандовал ей Павел Петрович, – голубушка, супу.

Евгений наблюдал за барскими манерами Кирсанова-старшего с плохо скрываемой насмешкой.

Подмечая это, но как бы по широте душевной игнорируя, Павел Петрович обратился к нему:

– А вы, позвольте узнать, чем занимаетесь?

– Я только курс окончил.

– По какой, если не секрет, специальности?

– Микробиология.

– Кем работать будете?

– Пока осмотрюсь, подыщу место.

– А родители ваши кто будут?

– Они из Тверской области, или, если хотите, Калининской. Отец – начальник смены на заводе, мама – почтальон.

– Вот как! Рабочая косточка! А с нашим Аркадием вы давно знакомы?

– Мы делили с ним квартиру в Оксфорде.

– А за ваше обучение, позвольте узнать, кто платил?

– Я грант получил. И подрабатывал. Официантом. У нас до двадцати часов в неделю разрешалось работать на парт-джоб.

Евгений отвечал на вопросы Павла Петровича с деланым смирением, но в глазах его прыгали лукавые чертики. Старший брат Кирсанов не знал, что юный гость предварительно расспросил своего друга, что собой представляет его дядя.

– Он в земельном комитете Московской области трудится, – пояснил Аркадий.

– О, знатный, видимо, коррупционер!

– Да что ты, Евгений! Что ты такое говоришь!!!

– Хм, а зачем ему, если не воровать, там заседать? И потом, если он честный человек, откуда тогда палаты на Рублевке?

– Мой отец – художник, забыл?

– Про твоего отца вопроса нет – верю. У него каждая копеечка трудовая. Так ведь половина имения, как я понимаю, Павла Петровича? Хочешь сказать, что он его на свою скромную зарплату отстроил?

Аркадий не нашелся что ответить, разве что пробормотал:

– Я в чужие карманы с ревизиями не лажу.

И теперь, за обедом, он видел то тщательно скрываемое презрение, которым одаряет Евгений его дядю.

– Да, это очень приятно, – провещал Павел Петрович в ответ на краткий рассказ молодого гостя о себе, – что у нас растет такое поколение: смелое, самостоятельное, независимое. Но хотелось бы знать, в чем ваши, так сказать, идеалы? К чему вы стремитесь?

– Мы хотим жить свободно и честно.

– Н-да-с? А сейчас? Вы разве не свободно живете? Имеете возможность ездить по всему миру, в заграницах учиться.

– Да, все так; но страна-то прозябает.

– С чего вы так решили?

– Да тут много ума не надо, двух глаз достаточно. И выехать хотя бы ко мне на родину, в Тверскую область. Поезжайте не только в саму Тверь на «Сапсане», а куда-нибудь в Старицкий или Ржевский уезд, оглядитесь вокруг, поговорите с людьми. Работы нет, зарплаты нищенские. А государство вместо того, чтобы с

коррупцией бороться, надувает через телевидение щеки: какие мы великие да гордые! Давайте ленточки георгиевские на старые иномарки нацепим и будем прыгать по ухабам. И мечтать, как бы нам Сирию от пиндосов освободить.

– Это что же, по-вашему, гордиться своей страной дурно?

– Да, дурно, если эта гордость – лишь дымовая завеса, чтобы людям глаза застить, чтобы они меньше о воровстве повсеместном думали.

– Вы, однако ж, сюда, в Россию, вернулись. Здесь искать работу думаете. Что, не приняли вас к себе ваши друзья-англичане? Или не понравилось там?

– Напротив! Британия – прекрасная страна. Особенно маленькие города да университеты, как Оксфорд. И Лондон тоже хорош, настоящая столица мира, центр империи. А вернулся я потому, что и у нас есть интересные направления по моей специальности. Хорошие умы работают – правда, они все благодаря западным грантам финансируются, не хватает у великого государства денег на науку, все на горделивый свист уходит.

Видя, что мирный застольный табл-ток принимает опасное направление, Николай Петрович перебил его вопросом к сыну:

– А ты, Аркадий? Есть у тебя на примете какая работа или должность в Москве? Может, имеет смысл дядю Павла попросить о содействии?

– Да! – откликнулся дядюшка, охотно меняя направление разговора. – Я готов помочь, чем смогу. Ты мне, Аркашенька, скинь тогда по электронке твое резюме. Я уверен, что оно впечатляющее.

– Только я, дядюшка, не хотел бы на госслужбу идти.

– Вот как? – Павел Петрович принял оскорбленный вид. – Ну, еще бы! С таким-то наперсником.

– Но ведь у тебя, Павлуша, – поспешил вмешаться Кирсанов-отец, – наверняка и в частных компаниях хорошие связи имеются.

– Да, будем посмотреть, – важно ответил Павел Петрович, однако разговор с молодыми людьми его настроение явно подпортил.

Надо заметить, что судьба не благоволила к старшему брату Кирсанову – и об этом Евгений знал от своего молодого друга Аркадия, однако не счел нужным щадить, как он назвал его за глаза, «старикашку».

В зеленой молодости выпускник университета Павел Кирсанов влюбился в юную девушку из хорошей семьи. Отец Юли работал в обкоме партии, да не простым инструктором, а заведующим сектором – большая шишка в советские времена! Мать девушки была доктором наук, профессором и преподавала научный коммунизм. И вот в этой-то насквозь партийной фамилии выросла особа, которая ни в грош не ставила ни родителей, ни советскую власть. С грехом пополам окончила (как водится) английскую спецшколу, поступила в университет – но при этом диссидентствовала, писала бунтарские стихи и путешествовала с доморощенными хипарями автостопом по родному СССР. Однако любовь зла! На студенческой вечеринке она познакомилась, а потом и влюбилась в насквозь положительного Павла, комсомольского активиста и члена факультетского бюро ВЛКСМ, который всю молодость проходил в пиджачке с галстучком и красным значком с Лениным на лацкане. А он в ответ втюрился в нее.

Чего только не было в этой дикой, на разрыв, любови! Пять лет в середине восьмидесятых вместили в себя побег из-под венца, женитьбу, развод и затем окончательный и полный разрыв. Карьера молодого активиста безнадежно испортилась. Невеста и молодая жена травилась, дважды пыталась резать себе вены, лежала в клинике неврозов, психосоматическом стационаре, институте психического здоровья. Она бросалась на Павла с ножом и пыталась вытолкнуть его с балкона. Однажды, пришедший в исступление от ее выходок, супруг отхлестал ее по щекам и толкнул так, что она сломала руку – и подала на него в суд. Потом иск все-таки отозвали, но тесть и теща, сиятельные родители Юлии, прокляли Кирсанова-старшего, забрали девушку к себе и под страхом новых судебных преследований и жалоб во все возможные инстанции, включая ЦК, запретили ему даже приближаться к Юленьке, звонить ей и писать.

Измученный Павел Петрович с облегчением согласился. Вся его любовь к «графине Р.», как он стал иронически называть жену, испарилась под воздействием ее столь жарких буйств. Он клятвенно пообещал всем: ей самой, ее родителям, да и своему деду с бабкой, что больше никогда не будет с ней знаться. И обещание свое сдержал: ни разу с ней не встречался, не звонил, не

писал и даже, когда начались социальные сети и все стали с изумлением и восторгом откапывать своих былых одноклассников и однокурсников, преодолел искушение и бывшую жену свою разыскивать не стал. И она его тоже. Да и была ли она жива?

Бог весть – с таким-то бэкграундом, такими замашками и образом жизни!

История женитьбы привела Павла Петровича к тому, что с холодной головой он решил, что никогда больше не свяжет свою жизнь ни с одной женщиной – и слово сдержал. Он делал карьеру, тщательно следил за собой, занимался спортом, трижды в неделю ходил в спортзал – и в качестве спорта добивался благосклонности у противоположного пола, отдавая предпочтение как можно более молоденьким.

Временами он даже наставлял своего младшего брата, Николая Петровича:

– Ты ведь знаешь, наверное, что когда донорскую кровь берут, предпочитают молодых. Понятно, ведь доказано, что кровь, взятая у юных созданий, омолаживает. Так и в любви: если ты обмениваешься своими телесными жидкостями с молоденькой, ты и сам молодеешь!

С детства повелось: Николенька всегда к мнению старшего братца прислушивался и, возможно, именно благодаря этому влиянию связался в конечном счете с Фенечкой и бросил старую, опостылевшую супругу Машеньку.

Об этом влиянии и Мария знала и поэтому вслух отзывалась о своем девере иронически и нелицеприятно. А в глубине души уважала и однажды, когда они еще были женаты, по пьянке высказала Николаю Петровичу: «Надо было мне за Павлика выходить. Вот бы мы парочку составили, двое деловых! Не то что ты, тютя».

Фенечка тоже весьма благосклонно относилась к Павлу Петровичу. Порой даже играла с ним в бильярд, в шахматы и кокетничала напропалую, вызывая ревность со стороны Николая Петровича.

* * *

Дом Кирсановых всегда славился хлебосольством и гостеприимством.

Это еще дед-академик завел. Вечно в старом хаупском доме (или/и в столичной квартире) проживали бедные родственники, абитуриенты, друзья из провинции. Всегда обед или ужин накрывали на три-четыре-пять кувертов больше, чем членов семьи. Праздники – Седьмое ноября, Первое мая и, тем паче, Новый год – встречали, по настоянию деда, всей семьей, с приглашением друзей-соседей-знакомых.

Традиции стали давать трещину в конце шестидесятых, когда непутевая Антонина (мать Павла и Николая) связалась с Петром Стожаровым, художником, и дернула за ним сперва в Среднюю Азию, потом на Дальний Восток и в Заполярье. Дед тогда детей, юных Павлушу и Николеньку, у Антонины отвоевал, отобрал – да она, признаться, особенно не сопротивлялась: сыночки мешали ей любить, заниматься художническими поисками и экспериментировать с веществами.

Несмотря на душевную травму, что нанесла ему дочь, и мафусаилов возраст, академик архитектуры не бросал своих привычек к гостеприимству почти до самой кончины (последовавшей уже в новые времена, в девяносто седьмом году). Затвердив уроки деда, Павел и Николай уже в новом, капитально перестроенном доме продолжали, возможно даже неосознанно, следовать его заветам.

Вот и теперь Евгений Базаров, Аркашин друг, воспользовался гостеприимством Аркадия и его отца и поселился на их половине. Постепенно у них организовался свой, новый уклад. Спозаранку, еще раньше семи, чтобы не попасть в пробки, уезжал в присутствие Павел Петрович. Его брат Николай Петрович хоть и был свободным художником, но тоже имение своим присутствием не баловал. Работать в доме ему мешали плач и капризы маленького Сашеньки, пленэры вокруг были совершенно изгажены (по его словам) неумеренным строительством и урбанизацией. Лишившись по воле первой жены и квартиры, и мастерской в столице, он нашел-таки выход: стал снимать мастерскую в доме на Коломенской, у вдовы художника Н.Н. И хоть аренда пробивала дополнительную брешь в и без того скромном бюджете, Николай Петрович цеплялся за эту возможность и повод лишний раз сбежать из дома под предлогом «работать». Да ведь он и преподавание не оставил, дважды в неделю требовалось вести занятия в Университете художественного и промышленного дизайна, а летом – зачеты принимал, экзамены.

Николай Петрович был «совой», поэтому выбирался из дому уже после утренних пробок. Завтрак (как и ужин) ему старалась-приготовляла Фенечка. Она действовала от противного: знала, что Мария, невзирая на все свое поварское искусство, в последнее время бросила ухаживать-обихаживать мужа. Подобную ошибку (по мнению девушки) допустила (по отношению к сбежавшему отцу) и ее собственная матерь. Фенечка не собиралась их промахи повторять.

Аркадий и Евгений поднимались еще позже. Завтракали порознь чем бог пошлет. Занимались каждый своим делом по личным комнатам. Иной раз сходились поболтать или сгонять партийку в шахматы или на бильярде. По паре раз ездили в столицу на интервью – тогда их прихватывал Николай Петрович на своем «БМВ», или они шли через перелесок на электричку.

В выходные Евгений выбрался на родину, к родителям в Калининскую область. Приехал грустный – как он говорил, от вида нищеты, в которую погружена провинция.

Однако молодость и надежды на лучшее брали свое. Начало лета и прекрасные погоды выгоняли из дому. Аркадий и Евгений совершали длинные пешие прогулки. Порой выбирались проехаться на велосипедах (в сарае имелась большая коллекция на любой вкус, начиная еще с дедовых и бабкиных двухколесных друзей, продукции Харьковского велозавода). Дважды ездили в Москву – в кино и в ночной клуб. Прогуливались по имению и окрестностям с Фенечкой и ребенком в колясочке.

Вообще же между Фенечкой и молодыми людьми, особенно Евгением, установились ровные, добрые и даже дружеские отношения. Они проводили время в беседах, беззлобно подтрунивали друг над другом, Евгений даже помогал ей с ребеночком. Он ловко менял подгузник, переодевал его, заставлял принять лекарство.

– Где вы так наловчились с детьми обращаться? – дивилась Фенечка.

– Э, – смеялся тот, – в семье я ведь самым старшим был. У меня шестеро младшеньких братьев и сестер.

– Да вы шутите!

– Отнюдь. Причем четверо приемных. Да и я сам, честно говоря, у моих родителей приемыш.

А однажды ночью Фенечка постучалась к нему в комнату (Николай Петрович тогда по причине раннеутреннего экзамена, что он принимал в универе, заночевал в столице, в мастерской). Крошка Сашенька был у женщины на руках. Глаза у обоих – на мокром месте.

– Что такое?

– Он весь горит. Температура тридцать девять с половиной!

– Заносите его в комнату. И доверьтесь мне. Я в Оксфорде брал курс педиатрии. И неотложной помощи.

Евгений сбегал вниз, на первый этаж, на кухню, вернулся. Ловко раздел ребеночка – тот не имел сил даже плакать, только жалобно хныкал. Затем вымочил пеленку и завернул в нее всего малыша.

– Народные средства – они самые эффективные, – приговаривал Евгений, – ибо отражают многовековой человеческий опыт, в отличие от тех же антибиотиков, которым и девяноста лет не исполнилось.

Неизвестно, что сыграло свою роль, опыт ли народа, искусство ли фельдшера, да только малышу сразу стало легче. Температура спала, он крепко уснул. После этого случая доверие Фенечки к Евгению еще более укрепилось.

…Вечером в уик-энд, верные принципам деда-академика-архитектора, стол обычно накрывали в большой гостиной, звали за него всех обитателей барского дома и гостей приглашали.

Пожаловала и Елена Сергеевна Одинцова, ближайшая соседка Кирсановых, красивая и ухоженная дама под сорок, как говорили о ней за глаза – «соломенная вдова». Муж ее, Тимофей Одинцов, крупный бизнесмен, давно пребывал безвылазно за границей и, по слухам, скрывался.

Присутствовали также, кроме Кирсановых-старших, Фенечка, Аркадий и Евгений. Прислуживала, как обычно, Нина.

Отношения Евгения и Павла Петровича Кирсанова, незадавшиеся со дня первого знакомства, за истекшее время не улучшились. Павел Петрович за глаза называл гостя даже в разговорах с прислугой «этот волосатый». В свою очередь, молодой человек, упоминая о дяде при беседах с Аркадием, именовал его не иначе, как «ваш домашний коррупционер».

Евгения представили Одинцовой. Она была лет на десять старше молодого человека, однако последние достижения косметологии, физиотерапии и пластической хирургии, доступные только очень богатым людям, делали ее гораздо более привлекательной, чем иные ровесницы Евгения. Худенькая, бойкая, идеально сложенная, безукоризненно воспитанная и прекрасно держащая себя, она сразу привлекла внимание молодого человека.

Рассадкой на малых семейных обедах никто не занимался, и Евгений расположился с ней рядом. Ни от кого из присутствующих не ускользнуло, что Елена Сергеевна кокетничает с ним, а он проявляет к ней очевидный мужской интерес. Это заметил, разумеется, и Кирсанов-старший, что послужило еще одной каплей, переполнившей терпение Павла Петровича. Их взаимные прилюдные терки с молодым гостем продолжились. Казалось, двое только ищут повода, чтоб сцепиться.

К примеру, общий разговор за столом зашел о том, что влиятельная международная спортивная организация сделала замечание российским телевещателям, чтобы те поменьше показывали на трибунах красивых болельщиц.

– Да какое им дело?! – возмущался Павел Петрович при молчаливом одобрении Николая Петровича. – Да кого же им еще показывать?! Старых грымз, что ли?!

Однако далеко не каждый, как оказалось, разделял его возмущение. Зная или, по крайней мере, предвидя позицию Евгения, Аркадий осторожно проговорил:

– И все-таки показывать только красивых – это сексизм.

– Ну да, пусть сексизм, – горячился Павел Петрович. – Назовите как хотите, но почему они отказывают мне в моем праве и желании смотреть на красивую девушку?

– Да потому, – хладнокровно заметил вдруг Евгений, – что на женщину не следует смотреть как на сексуальный объект.

Павел Петрович выпучил глаза. Казалось, его вот-вот хватит удар.

– А как НА ЧТО, позвольте мне спросить, – страшным шепотом проговорил он, – вы прикажете мне на них смотреть?!

– Да ведь вы должны немного подумать и согласиться, – столь же невозмутимым и безапелляционным тоном, что и раньше, возразил Евгений, – что первым номером в программе всегда идет взгляд на женщину как на объект вожделения. Далее отсюда вытекают и все ужасы современного мира: проституция, семейное насилие и, наконец, подлинное рабовладение – когда женщин приковывают наручниками к батареям, а они вынуждены обслуживать в день по два десятка скотов и в результате погибают во цвете лет. Все с малого начинается. А если не будет малого, не будет сексизма, не станет и всего остального.

Павел Петрович готов был лопнуть от негодования, но Елена Сергеевна перебила его:

– Боюсь, что в разговоре об абстрактных женщинах вы, господа, забываете о тех, кто сидит рядом с вами за столом.

– Да, наши бокалы пусты! – присоединилась к ней Фенечка, уводя табл-ток от опасной черты.

– Ради бога, извините, – схватился Николай Петрович, подливая женщинам шабли.

Но в двух спорщиков будто бес вселился. На ином витке разговора, обсуждая актуальные политические события, Николай Петрович упомянул, что где-то, то ли на Тайване, то ли в Бирме, общенародный референдум запретил вступать в

брак лицам одного пола.

– Вот молодцы азиаты! – воскликнул старший Кирсанов. – Все бы, в том числе так называемые цивилизованные Европа и Америка, пример с узкоглазых взяли!

Евгения тут как током ударило.

– Что же, спрашивается, тут такого «передового» – разлучать два любящих сердца? Не давать им таких же точно прав, как иным людям? Таких простых и естественных для любого человека свобод, как ухаживать в случае болезни, воспитывать детей, наследовать имущество?

– Да потому, – громыхнул Павел Петрович, – что жить вместе двум мужикам или двум особам женского пола противоестественно перед Богом и людьми!

– Они и так живут вместе, без вашего одобрения и неодобрения.

– Вот именно! Если мужикам охота целовать друг друга в уста – пусть их, я им не могу запретить. Это болезнь, я понимаю, да, бывают всякие болезни. Но болейте себе потихонечку, в тряпочку, зачем вы кичитесь своим заболеванием, на парады под радужными флагами ходите?! Мерзость какая! Справедливо в Ветхом Завете сказано – многие тысячи лет назад, в Книге пророка Исайи, вот, я даже выписал: «Бахвалятся своими грехами, как жители Содома, открыто»[2 - Исайя, 3:9.]. А всем известно, что с Содомом Господь сотворил. Сжег огненным дождем. Так и с современным так называемым «цивилизованным» миром рано или поздно случится!

– Дядя, – встрял Аркадий, – сексуальные меньшинства – ведь они такие же люди, как все, и требуют таких же себе прав, как прочим.

– Но вы же, я надеюсь, с Евгением не такие? – подключился к дискуссии Николай Петрович. – Чего ж вы их защищаете?

– А если б мы были такими, папа? Тогда что? Ты бы проклял нас? Отказал от дома? Лишил наследства?

– Снисходительное отношение к педерастам, – провещал Павел Петрович, – которое развилось в так называемых демократических странах, – показатель и следствие их упадка. Вспомните, Римская империя тоже рухнула, поскольку слишком либерально относилась к разного рода извращениям.

На это Евгений с оттенком высокомерия заметил:

– Да ведь наша матушка-Россия, такая чистая и непорочная, скорее рухнет – от коррупции.

Замечая, что разговор вот-вот готов перекинуться на личности, а Павел Петрович – сойтись с Евгением в кулачном поединке, Елена Сергеевна постаралась восстановить мир.

– Ой, господа! У меня от ваших споров мигрень начинается и пищеварение ухудшается. А Нина приготовила такое замечательное рагу из осетрины. Давайте, пожалуйста, переменим тему! – и начала говорить о выставке Бэнкси, открывшейся в Доме художника на Крымском Валу. – Что вы, Николай Петрович, Фенечка, по поводу Бэнкси думаете? Как авторитеты в живописи?

Разговор через пень-колоду свернул на искусство. Однако и это еще не стало концом застольных размолвок. Уже за десертом Евгений, описывая упадок современного села, снисходительно обронил:

– И есть там только наполовину разрушенная церковь, где служит через пень-колоду православный попик…

Эта обмолвка подействовала на Павла Петровича, словно красная тряпка на быка.

– «Попик»? – возмущенно проговорил он. – Вы сказали «попик»? Да как вы смеете, милостивый государь, мимоходом столь огульно охаивать людей, которые в тяжелейших условиях несут нашему народу свет и добро?! Пытаются восстановить нашу упавшую нравственность!

– Трудно поверить! – насмешливо воскликнул Евгений. – Ведь вы, Павел Петрович, хотя бы в силу возраста, должны были в прежней жизни быть

октябренком-пионером-комсомольцем! Может, вы и в партию коммунистическую успели поступить? А теперь воспеваете самый настоящий обскурантизм и религиозное мракобесие!

Знал ли об этом доподлинно Евгений, говорил ли ему Аркадий, неизвестно, но племянник-то о дяде точно ведал, что тот в рассуждениях высокой карьеры и служения обществу в молодости вступал даже в члены КПСС. Поэтому Павел Петрович от замечания гостя покраснел как рак, а юный спорщик тем временем продолжал:

– Вы ведь, верно, в советские времена антирелигиозную пропаганду разворачивали – ну, или, по крайней мере, должны были вести – с тем же самым жаром, с каким сейчас религиозный дурман сеете. А теперь вы ведь, пожалуй, и в церковь ходите? Лоб истово на купола крестите?

– А вот это не вам судить! И не вам меня обвинять, молодой человек!

Вне себя от возмущения, Павел Петрович вскочил со своего места и широкими шагами выбежал на свою половину, хлопнув дверью.

Ужин был испорчен – это понимали и Николай Петрович, и Аркадий, и Фенечка, и Елена Сергеевна.

Однако Евгений и не вздумал нестись следом за Павлом Петровичем извиняться (что многим показалось бы хорошим исходом). Он только развел руками и засвистал от смущения легкомысленный мотивчик. После размолвки он еще более настойчиво взялся ухаживать за Еленой Сергеевной.

Не дожидаясь конца обеда, Фенечка встала и, сославшись на необходимость самолично уложить своего Сашеньку, покинула зал. Не прошло и пяти минут, как за ней последовал Николай Петрович. Вскоре засобиралась Одинцова, и Евгений вызвался ее проводить.

С тех давних времен, когда соседским участком еще владели прежние соседи Бланки, между ними в заборе существовала калитка, используя которую можно было легко ходить друг к другу в гости. С тех пор изгородь перестраивалась дважды и, стараниями соседа-бизнесмена Тимофея Одинцова, стала, как и весь его участок, неприступной крепостной стеной, однако никогда не запирающуюся

калитку сохранили.

Евгений довел до нее Елену Сергеевну. Она пригласила его зайти, посмотреть сад и дом. Он принял приглашение и отсутствовал более двух часов. Вернулся ближе к полуночи, довольно насвистывая.

Неизвестно доподлинно, заметил ли его совместный с Одинцовой уход и позднее от нее возвращение Павел Петрович, но то, что он мог из своего окна наблюдать за эволюциями недруга, сомнению не подлежит.

* * *

На следующей неделе все занимались своими делами.

Однажды Фенечка вместе с Сашенькой в коляске гуляла по обширному кирсановскому саду. Участок деду в свое время достался на пригорке; на самой высокой точке положенного надела тогда же поставили дом. Калитка и ворота располагались в самом нижнем краю выделенной территории. Оттуда наверх, к особняку, шла подъездная аллея. Другая дорожка, пешеходная, вела от калитки к беседке, расположенной в другой части низины. От беседки можно было вернуться назад к дому другой дорожкой. Таким образом, строения на участке располагались в виде почти равностороннего треугольника: в основании – въездные ворота с гаражом и домом для прислуги и беседка, а в качестве вершины – господский особняк.

Беседка была вся засажена кустами жасмина и сирени и совершенно скрыта от посторонних глаз. Там летом, особенно в жаркие дни, Кирсановы любили отдыхать. Иногда в выходной приказывали подать туда самовар.

Вот и сейчас вместе с коляской там уединилась Фенечка. Малыш Сашенька спал, раскинутые его кулачки были плотно сжаты, лицо нахмурено, словно говорило: вот я вырасту, всем задам перца! Молодая женщина сидела в теньке и просматривала в телефоне интернет-сайты.

Вдруг снаружи беседки что-то стукнуло, и на пороге возник Евгений. Фенечка вздрогнула и поспешно спрятала телефон.

– Фу, как вы меня напугали! – воскликнула она.

– Виноват-с. А я решил заглянуть-с. Не думал вас здесь застать.

– Прогуливаетесь?

– Да. Проветриваю мозги после утреннего сидения за опытами.

– Можете мне рассказать, чем вы занимаетесь? В чем заключается ваша наука? Пояснить, так сказать, и-эл-ай-файф?[3 - ELI5 – популярная в интернет-общении аббревиатура, означающая «explain, I`m ?ve», «объясни, как пятилетнему» (англ.), то есть: «расскажи как можно более популярно».]

– Ой, нет, боюсь, не удастся – но отнюдь не потому, что вы не поймете. Я, к сожалению, совершенно бесталанен как популяризатор. Да-да, увы, я совсем не Стивен Хокинг…[4 - Стивен Хокинг – английский физик-теоретик и известный популяризатор науки.]

– Слава богу, – со смехом заметила Фенечка.

– …поэтому о работе могу толковать только с коллегами, на присущем нам птичьем языке. Давайте я вам лучше доложу о своей велосипедной прогулке.

– Ну, попробуйте, – улыбнулась Фенечка.

– Проехал я сегодня, согласно одометру, шестнадцать километров…

– О, много!

– Да что вы! В Оксфорде я в свой выходной по тридцать-сорок километров, бывало, наматывал. Однажды сделал сотенку. Но там ведь и вся инфраструктура под «байсиклы» заточена. Огромное количество велотрасс, специально выделенные дорожки в городе, велосипедист на дороге всегда прав. Велопрокаты прекрасно развиты, бросай двухколесного друга где хочешь, можно активировать с мобильного телефона. На въезде в город знак: Оксфорд, сайклинг сити. А какая парковка для великов на станции! Огромная крытая площадь, вся железными конями уставлена.

– Видела, – кивнула Фенечка.

– Вы там учились?

– Бог миловал!.. Приезжала на экскурсию, когда язык летом учила. Давно, еще в школе… Да, в Англии, конечно, хорошо. Только скажите, Евгений, почему вы так Россию не любите?

– Кто вам сказал?

– Да вы никогда с таким жаром, как об Англии, о нашей стране не отзывались.

– Нет, что вы! Я очень Россию люблю. Не люблю только чванливых ее обитателей, которые всех напропалую учат жить по-своему.

– Вы кого имеете в виду? – лукаво улыбаясь, осведомилась Фенечка.

И надо же было такому случиться, что как раз в тот момент в усадьбу заехал Павел Петрович Кирсанов. Он направлялся с инспекцией в отдаленный район области. Путь пролегал мимо дома, время позволяло, и он решил заскочить, чтобы забрать позабытые документы и заодно пообедать домашней пищей.

Чтобы не куролесить по усадьбе по подъездной дороге, он бросил машину у ворот и вошел на участок пешком, через калитку. Его внимание привлек оставленный кем-то у беседки велосипед. Он подошел ближе и остановился. Из беседки доносились голоса.

Павел Петрович узнал их. Он замер. Заросли жасмина и сирени делали его невидимым для говорящих.

– Есть тут некоторые павлины-типусы, от которых меня, право слово, подташнивает, – неопределенно заметил Евгений.

– Вы моего деверя имеете в виду? Павла Петровича?

– Хотя бы даже и его. На редкость противная особь. Индюк.

– А у вас острый язычок. Вот интересно, а что вы думаете о его брате и моем муже, Николае Петровиче?

– Ну, во-первых, он, насколько я понимаю, не муж вам? Вы пока не венчаны? Не расписаны?

– Тогда скажите, что вы думаете о моем сожителе Николае Петровиче?

– А что о нем думать? Простой и добрый барин. Слуга царю, отец солдатам.

– А что вы в таком случае думаете обо мне? – лукаво смеясь, вопросила Фенечка. – Считаете небось расчетливой тварью, что захомутала старичка и теперь выходит за него ради денег?

– Да что вы! Ни в коем разе! О вас я думаю так: любовь зла, полюбишь и козла.

– Вы хотите тем самым сказать, что Николай Петрович меня любит? Или что я его? Кто из нас козел, короче?

– Ну, уж никак не вы. Вы – милая юная козочка.

– Вот как? Ну а вы? Вы-то любите хоть что-нибудь? Или кого-нибудь?

– Никак нет-с!

– А нашу соседку Елену Сергеевну Одинцову?

– Я бы мог полюбить ее только затем, чтобы доставить неудовольствие вашему деверю, прекраснейшему Павлу Петровичу.

– О! Так вы тоже заметили, что он за нею волочится?

– Хм. Фрайтфулли токинг[5 - Страшно сказать (англ.).], она мне сама поведала, что между ними некогда имел место роман.

– О! Вы достигли с нашей соседкой, как я гляжу, глубокой степени откровенности!

Весь этот диалог, непосредственно касающийся его самого, Павел Петрович слушал, замерев на месте и не в силах пошевелиться, чтобы не выдать себя. Пот выступил на его челе.

– Ну а если говорить обо мне, – продолжала провоцировать молодого человека Фенечка. – За что бы вы, к примеру, могли полюбить меня?

– Хм. Николай Петрович – отец моего друга, да и дядька он хороший, хотя и, как положено художнику, не слишком далекий. Злить его мне совершенно не хочется. Поэтому кого-кого, а вас я бы, пожалуй, никак не смог полюбить.

– Фу. Противный.

– …Разве что мог бы влюбиться только в ваши глазки. И еще, пожалуй, в ваши ланиты. И в ваши перси – белоснежные! И в ваш стан – лебединый! И в ваши уста – сахарные! – Евгений намеренно стилизовал свою речь под объяснения двухвековой давности, что демонстрировало его хорошую начитанность и как бы снижало страстность его слов. Но действия говорили сами за себя: Евгений подходил к Фенечке все ближе и наконец, положив обе сильных руки ей на талию, привлек ее к себе. Малыш продолжал самозабвенно спать. Евгений запечатлел на губах девушки страстный поцелуй, она попыталась оттолкнуть молодого человека, но потом ответила на него.

Только тут Павел Петрович вышел из изумленного шокового состояния и обнаружил себя, громко закашлявшись.

Фенечка отпрянула от Евгения.

Перешагнув через брошенный велосипед, в беседку ступил Павел Петрович.

Фенечка вскрикнула и рефлекторно схватила на руки Сашеньку.

Тот, разбуженный и испуганный, заплакал.

Молодая мать, прижав его к себе, а другой рукой толкая коляску, опрометью выскочила из беседки.

Павел Петрович оказался один на один с Евгением.

Вне себя от ярости, он проговорил:

– Я всегда знал, что вы, милостивый государь, настоящий подлец. Но теперь ваше поведение переходит все границы! Вы злоупотребляете нашим гостеприимством! Вы оскорбляете меня! Вы оскорбляете моего брата! Да вас мало выпороть плетьми! На конюшне!

Молодой человек побледнел, но усмехнулся.

– А вы попробуйте.

Кирсанов-старший немного сбавил тон, но продолжал разоряться:

– Да в былые времена я бы вызвал вас к барьеру! На поединок!..

Евгений холодно ухмыльнулся.

– А чем былые времена отличаются от нынешних? Желаете со мной драться? Извольте.

– Постыдились бы! Вам тридцати нет, а мне пятьдесят!

– Если желаете, давайте устроим поединок. Как говорится, пуля рассудит.

– Вы что, меня вызываете?

– Нет, но, по-моему, меня, напротив, вызываете вы. Или вы уже передумали?

– Да, хорошая идея! Драться! И не по-быдлячецки, на кулаках. Стреляться так стреляться! Ради бога! Как положено – я пришлю к вам секунданта!

Павел Петрович в сердцах плюнул под ноги Евгению, развернулся и, сжимая кулаки, с бешено колотящимся сердцем зашагал к дому.

Вечером, когда все легли, к Евгению, в его комнату на третьем этаже, пришел прислуживающий в доме Глеб и, понизив голос и таинственно оглядываясь по сторонам, огласил условия поединка, предлагаемые Павлом Петровичем: стреляться завтра, с рассветом, в пять утра, в Матвеевской роще, расположенной в трех километрах от усадьбы – там в намеченное раннее время не бывает никого народу.

В усадьбе, в сейфах, издавна хранятся пистолеты: один – трофейный «вальтер», другой – «ТТ». Они еще с прошлой войны принадлежали деду, Николаю Петровичу Кирсанову-старшему, который привез их с фронта. Оба нигде не зарегистрированы. Тем не менее оба пистолета в полном порядке, пристреляны, регулярно чистятся и смазываются. Оружие современное, нарезное, поэтому барьеры предлагается расположить на двадцати пяти шагах, а количество выстрелов ограничить двумя. Предлагается бросить жребий перед самым поединком, кому какой конкретно пистолет достанется. А чтобы избежать в случае самого неблагоприятного исхода полицейского и судебного преследования, перед схваткой каждый из дуэлянтов напишет последнее послание, где объяснит, что решил покончить с собой. Расписки эти сдаются перед поединком секунданту, а при смерти кого-то из соперников соответствующей бумаге дается ход, а оставшаяся записка уничтожается путем сожжения. Если и тот и другой останутся живы – сожгут обе бумажки.

– Ви сгодни? – спросил Глеб. – То есть, я маю, вы согласны?

– Да-да, условия, по-моему, исчерпывающие, и я не против, – рассеянно отвечал Евгений.

– Ви доберетеся сами завтра до Матвеевской рощи? Або вас пидвезти?

– О, нет, благодарю. Роща эта ведь есть в навигаторе?

– Гадаю, так.

– Тогда до завтра. Надеюсь, в пять утра уже будет светло.

Глеб вышел, а Евгений рассеянно засвистал. «Что за пошлая оперетка? – думал он. – И неужели все может кончиться трагедией? Полной гибелью всерьез? А ведь и впрямь – Кирсанов-старший ненавидит меня. Для него будет удовольствием всадить мне пулю в ляжку, а еще лучше (для него) – в висок… Может, позвонить, попрощаться на всякий случай с мамочкой моей приемной?.. Или зайти к Елене Сергеевне? Пусть утешит? Или к Фенечке? Или сказать последнее прости другу Аркадию? Фу, фу, страшная, невыносимая пошлость!..»

Николай Петрович Кирсанов

За два дня до убийства

– Мамочка приехала, – улыбнулся сквозь сон Николай Петрович Кирсанов и потянулся в своей утренней кровати. Фенечки уже не было рядом, но измятая постель еще, казалось, хранила ее тепло и запах.

Но откуда же такой сон? Как будто из детства. Как будто осуществилось детское мечтание.

Мамочки вечно не было дома. А если приезжала, то всегда неожиданно. И почти всегда ночью.

Или поздним вечером. Или ранним утром.

Во всяком случае, она все время возникала, когда Николенька спал. И всегда хватала его, только что проснувшегося, обнимала и тискала. И дарила подарки. И от нее всякий раз пахло мамой, как он привык, – но и почти всегда чем-то новым. То поездом и угольной пылью. То алкоголем. То красками. Или табаком.

Но откуда же сейчас этот сон? Он взрослый человек и почти даже старый, и давно отлетели детские годы, когда он так нуждался в маме и хотел быть рядом с нею – а она все была где-то далеко и все не приезжала и не приезжала, а если появлялась, то всегда неожиданно, когда он переставал даже ждать.

Постоянно врасплох и всякий раз ненадолго.

Дед называл ее с горькой усмешечкой «мать-кукушка» – и был прав по сути. Вечно мама устраивала свои дела, творческие и личные. Творческие даже в большей степени, чем личные. Хотя и «личного» в ее жизни тоже хватало. Даже странно, как получилось, что у них с братом один отец.

Отца Кирсанов помнил плохо. Вернее, не помнил совсем. Сохранились какие-то тусклые картинки.

Вот мужчина его кормит манной кашей. Почему именно этот мужчина, непонятно. Почему не бабушка? Не дед? Почему не мама, в конце концов? Возможно (догадывался он уже гораздо позже), это был один из тех коротких периодов, когда Антонина Николаевна хотела доказать кому-то, деду с бабкой прежде всего, и, главное, себе самой, что она не «мать-ехидна», а настоящая, заботливая, любящая мамаша. Да, наверное, те самые времена. И вот мужчина в майке – как носили тогда, в семидесятые: белые, без рукавов, поддевали под рубахи – заставляет его есть кашу.

– Не хочу, она невкусная, – капризничает маленький Николенька.

– Да что ты выдумываешь, прекрасная каша! – начинает сердиться мужчина в майке.

– Она горькая!

– Замечательная вещь, из свежего молока и манки, мама с утра сварила! Ешь! – злится мужчина.

– Не буду! Невкусная! Гадость!

– Не смей называть еду гадостью!

Потом дяденька все-таки пробует кашу – и выплевывает ее сам.

– И впрямь горькая… – говорит растерянно. – Может, молоко скисло? Ну, ладно, брат, извини. Придется тогда пожарить тебе яичницу.

Вот одно крохотное воспоминание. Наверное, это и был отец. Во всяком случае, мама требовала, чтобы Николенька называл его папой.

Хотя непонятно, где во время того инцидента находился Павлуша. Или мамочка возвращала любовь сыновей дискретно, поочередно? Типа, с двумя одним махом ей не справиться? И сегодня у нее гостит Николай, а завтра Павлик?

Да, мама вечно где-то пребывала: пленэры, поездки, студии, экспедиции, командировки.

А потом Николенька как-то незаметно и быстро вырос и уже перестал в ней нуждаться. Да и она наконец пожала свой первый успех и уехала – теперь очень далеко и надолго. Навсегда. Англия, Америка, даже Австралия с Новой Зеландией.

И все равно, когда мама прилетала на родину, совсем нечасто, обычно случался праздник. Привозила кучу вещей и гостинцев. И возникало ощущение, что она богатая.

А он, к тому времени, к концу восьмидесятых, ставший подростком, тырил у нее из многочисленных блоков сигареты «Ротманс» и «Мальборо» – ах как они восхитительно пахли по сравнению с нашенскими «Явой» и «Космосом»! А потом он уже вырос настолько, что мамочка легально стала привозить ему сигареты, и баночное пиво, и даже виски «Джонни Уокер» с красной этикеткой. А потом перестройка неожиданно закончилась, развалился единый могучий Советский Союз, начались капиталистические преобразования в свободной России, и все эти лакомства – и сигареты, и пиво в банках, и виски – начали свободно продаваться в железных ларьках с зарешеченными витринками, а он сам женился, а мама стала приезжать все реже. Потом какая-то странная грызня с Марией Михайловной, в девичестве Огузковой, первой женой, и нежелание принять у себя в Неваде на каникулах маленького Аркашу, и странные телефонные звонки глубокой ночью, нетвердым голосом…

Жизнь пролетела, ему впору нянчить внуков, а в памяти еще остался приступ неожиданной, нечаянной радости: «Мамочка приехала!»

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Подробнее об этом можно прочесть, например, в повести Анны и Сергея Литвиновых «Почтовый голубь мертв». Личным взаимоотношениям частного детектива Паши Синичкина и Риммы посвящен также роман Литвиновых «Бойся своих желаний».

2

Исайя, 3:9.

3

ELI5 – популярная в интернет-общении аббревиатура, означающая «explain, I`m ?ve», «объясни, как пятилетнему» (англ.), то есть: «расскажи как можно более популярно».

4

Стивен Хокинг – английский физик-теоретик и известный популяризатор науки.

5

Страшно сказать (англ.).

Купить: https://tellnovel.com/litvinovy_anna/grehi-otcov-otpustyat-deti

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити